

HENRY LONGFELLOW

THE FIRE OF
DRIFTWOOD

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

ОБЛОМКИ
МАЧТ

*Перевел с английского
Роман Дубровкин*

*Предисловие
О. Алякринского*



ЛЕТНИЙ САД
МОСКВА · САНКТ-ПЕТЕРБУРГ · 2002

ББК 84(4Вел)5

Л76

Английский текст печатается по изданию:

THE COMPLETE POETICAL WORKS OF LONGFELLO.

BOSTON; CAMBRIDGE (MASS.): RIVERSIDE PRESS, 1922.

Лонгфелло Г.

Л76 Обломки мачт / Генри Лонгфелло; Перевод с англ. Р. Дубровкина; Предисл. О. Алякринского. — М.; СПб.: Летний сад, 2002. — 62 с.

ISBN 5-94381-076-5

Сборник лирики крупнейшего американского поэта Генри Уодсворта Лонгфелло (1807—1882), чья «Песнь о Гайавате» в классическом переводе И. Бунина стала бесспорным фактом русской литературы. Но Лонгфелло не сводится к одной этой поэме. Лирические стихотворения, собранные здесь, открывают читателю совершенно иные грани его творчества.

Перевод Р. Дубровкина дан с параллельным текстом на английском языке.

© Р. Дубровкин, перевод, 2002

ISBN 5-94381-076-5

© ИТД «Летний сад», 2002

ВДОХНОВЕННЫЙ АРХАИСТ

ПРИЖИЗНЕННАЯ слава Лонгфелло была феноменальной. На родине его книги разошлись миллионным тиражом — для издательской практики XIX века случай беспрецедентный. Его стихи были переведены на восемнадцать языков мира (в том числе на санскрит и китайский). Ими зачитывались не только в Бостоне, Нью-Йорке и Филадельфии, но и в Париже, Лондоне, Берлине, Риме, Копенгагене, Рио-де-Жанейро, Константинополе, а также Санкт-Петербурге и Москве. В России Лонгфелло пользовался особой любовью. Еще в 1860 году в «Отечественных записках» появился его «Гимн к жизни» в переложении Д. Ознобишина — вообще первый на русском языке перевод из американской поэзии (с лирикой По и Уитмена россияне познакомились гораздо позже). А потом Лонгфелло переводили часто и много, причем лучшие наши поэты-переводчики позапрошлого и прошлого века — А. Майков и Д. Минаев, К. Бальмонт и И. Анненский, К. Чуковский и И. Бунин, благодаря которым заокеанский поэт стал в нашей стране поистине народным. Достаточно сказать, что его стихи, помимо многочисленных книжных изданий,

печатались в массовой периодике, а на его смерть в 1882 г. откликнулись чуть ли не все крупные литературные и общественно-политические журналы Российской империи...

Генри Уодсворт Лонгфелло родился в 1807 г. в Портленде, небольшом портовом городке на северо-восточном побережье Америки. Он получил блестящее образование, и еще студентом выказал столь недюжинные способности в филологии, что сразу после окончания колледжа занял место профессора кафедры иностранных языков. Будучи горячим поклонником культуры Старого Света, свободно говоривший на шести и читавший еще на четырех языках, Лонгфелло взял на себя амбициозную миссию: создать на скудной почве американской словесности, которая не могла похвастаться национальной литературной традицией, великую поэзию по образу и подобию европейских классических образцов.

Дебютом Лонгфелло стал сборник испанских религиозных стихов, изданный в качестве учебного пособия для слушателей его курса по испанской литературе. Эта книжка и отметила рождение американского поэта, в ком соединился педантизм профессора-филолога и энциклопедическая эрудиция полиглота-переводчика.

Персонаж лирики Лонгфелло – ученый книголюб, хранитель древностей, обладающий даром

достигать недоступную разумению простых смертных мудрость природы и истории, читать ее невнятные иероглифы, видеть незримые призрачные знаки присутствия седого прошлого в современности. Не потому ли фантом, призрак — один из излюбленных образов Лонгфелло?

В его лирике не ставится серьезных философских и этических вопросов, ум поэта не обременен теми социальными и нравственными коллизиями, над которыми бились лучшие художники романтической эпохи от Блейка и Новалиса до Байрона и Шелли. Но Лонгфелло и не испытывал потребности открывать новые знания о мире и человеке. Его поэзия — обобщение известного, синтез заимствованных ответов, готовый набор практических истин, почерпнутых у мудрых предшественников.

Лонгфелло принимал мир таким, каким он его видел — простым и непротиворечивым. Природа у него не знает трагических коллизий, она не хранит никаких пугающих тайн. Мир человеческих отношений в его интерпретации лишен мятежных порывов, борьбы страстей и трагических финалов. Во всех его произведениях, где в той или иной степени речь идет о фундаментальных проблемах бытия, постоянно возникает одна и та же мысль об устойчиво-незыблемом порядке вещей в мире. Жизнь и смерть, добро и зло здесь находятся в гармоническом равновесии.

И как нет никаких секретов в природе и в сфере человеческого духа, так нет никаких тайн творчества. Все эстетические открытия уже сделаны, все истины познаны, все занесено на скрижали истории. Единственное, что требуется от поэта – это способность расшифровать загадочные письма. Не потому ли у главное сообщение, которое он может предложить своим читателям, – это цитата?

Используя терминологию русского литературоведа Ю. Тынянова, можно сказать, что Лонгфелло, в отличие от своих современников Эдгара По или Уолта Уитмена, не «новатор», а «архаист», который строго следует традиционным поэтическим моделям, накрепко им заученным, и который свято верит в освоенную им с молодых ногтей алгебру гармонии.

Переложив на язык общедоступных и легко запоминающихся формул основные темы и открытия романтизма, Лонгфелло довел до высокого совершенства поэтический стиль романтиков. Подхватив творческую эстафету предшественников – Новалиса, Вордсворта, Китса, Теннисона, – он завершил традицию.

Поэзия Лонгфелло емко вобрала в себя то, что отвечало эстетическим запросам и нравственным идеалам человека той эпохи. Иначе его стихи не смогли бы, проницая национальные и религиозные барьеры, завладеть воображением и вызвать

восторг у полуграмотных рабочих и банковских клерков, детей и монархов, шкиперов и домохозяек. Не забудем также, что среди его почитателей были Бодлер, Ференц Лист и Диккенс.

Лонгфелло стал выразителем стихийной тяги читающей публики к поэзии, красоте и житейской мудрости. Не той, которой служит призванный Аполлоном к священной жертве поэт-жрец, а той, которая внятна обыкновенному человеку с улицы. Вот в чем, вероятно, и заключается секрет его массовой популярности. Этот поэт-«архаист», обладавший редким эстетическим слухом, умел сочинять звучные и задушевные поэтические мелодии.

И до наших дней эти мелодии не утратили своей прелести. Более того, исполненные гармонии и света, отмеченные строгой элегантностью нефальшивой старины, они обрели даже дополнительное обаяние. Как бы там ни было, и сегодня стихам Лонгфелло не грозит потеря читателей.

Олег Алякринский

THE EVENING STAR

Lo! in the painted oriel of the West,
Whose panes the sunken sun incarnadines,
Like a fair lady at her casement, shines
The evening star, the star of love and rest!
And then anon she doth herself divest
Of all her radiant garments, and reclines
Behind the sombre screen of yonder pines,
With slumber and soft dreams of love oppressed.
O my beloved, my sweet Hesperus!
My morning and my evening star of love!
My best and gentlest lady! even thus,
As that fair planet in the sky above,
Dost thou retire unto thy rest at night,
And from thy darkened window fades the light.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

В пылающем закатном витраже
Вечерняя звезда — звезда влюбленных —
Мелькнет в оправе стекол раскаленных,
Подобно неприступной госпоже,
Помедлит на скалистом рубеже
И, оставляя на ветвях зеленых
Парчу одежд, зарею опаленных,
Уснет в бору, невидимом уже.
Ты — госпожа моя! На башне дальней
Сияешь ты над облачной грядой
Звездой вечерней, утренней звездой!
Подобно ей, в уединенной спальне
Чему-то улыбаешься во сне,
И тихо гаснет свет в твоём окне.

THE SECRET OF THE SEA

Ah! what pleasant visions haunt me
As I gaze upon the sea!
All the old romantic legends,
All my dreams, come back to me.

Sails of silk and ropes of sandal,
Such as gleam in ancient lore;
And the singing of the sailors,
And the answer from the shore!

Most of all, the Spanish ballad
Haunts me oft, and tarries long,
Of the noble Count Arnaldos
And the sailor's mystic song.

Like the long waves on a sea-beach,
Where the sand as silver shines,
With a soft, monotonous cadence,
Flow its unrhymed lyric lines; —

Telling how the Count Arnaldos,
With his hawk upon his hand,

ТАЙНА МОРЯ

Я люблю смотреть на море:
По седой его волне
Стародавние преданья
Сквозь туман плывут ко мне.

Визг уключин, скрип канатов,
Шелест легких парусов,
И простой напев матросский,
И дозорных долгий зов.

Но испанскую балладу
Повторяю я одну:
«Благородный граф Арнальдос
Жил у моря в старину...»

Как прибой, что, набегая,
Лижет золото песка,
В нерифмованной той сказке
За строкой бежит строка.

С верным соколом Арнальдос
На крутой стоял скале,

Saw a fair and stately galley,
Steering onward to the land; —

How he heard the ancient helmsman
Chant a song so wild and clear,
That the sailing sea-bird slowly
Poised upon the mast to hear,

Till his soul was full of longing,
And he cried, with impulse strong,—
“Helmsman! for the love of heaven,
Teach me, too, that wondrous song!”

“Wouldst thou,” — so the helmsman answered,
“Learn the secret of the sea?
Only those who brave its dangers
Comprehend its mystery!”

In each sail that skims the horizon,
In each landward-blowing breeze,
I behold that stately galley,
Hear those mournful melodies;

Till my soul is full of longing
For the secret of the sea,
And the heart of the great ocean
Sends a thrilling pulse through me.

Видит: быстрая галера
Приближается к земле.

У руля – отважный кормчий,
И поет так славно он,
Что слетаются послушать
Стаи птиц со всех сторон.

Не сдержался граф Арнальдос,
Полон страстного огня:
«Научи, отважный кормчий,
Этой песне и меня!»

Усмехнулся старый кормчий:
«А под силу ли тебе
Бросить вызов тайне моря,
Вызов смерти и судьбе?»

Всякий раз, когда мелькают
Паруса в дали седой,
В море вижу я галеру,
Слышу пенье над водой.

И великой тайной моря
Опьяняюсь вновь и вновь,
Словно сердце океана
В жилы мне вливает кровь.

SIR HUMPHREY GILBERT

Southward with fleet of ice
Sailed the corsair Death;
Wild and fast blew the blast,
And the east-wind was his breath.

His lordly ships of ice
Glisten in the sun;
On each side, like pennons wide,
Flashing crystal streamlets run.

His sails of white sea-mist
Dripped with silver rain;
But where he passed there were cast
Leaden shadows o'er the main.

Eastward from Campobello
Sir Humphrey Gilbert sailed;
Three days or more seaward he bore
Then, alas! the land-wind failed.

Alas! the land-wind failed,
And ice-cold grew the night;

СЭР ХЭМФРИ ГИЛБЕРТ

Смерти ледовый флот
К южным морям повернул,
В мерцании звезд злобный норд-ост
Зимнею стужей дохнул.

Смерти пиратский флот
Плавился в блеске лучей,
То здесь, то там по рыхлым бортам
Хрустальный сбегал ручей.

Серел, под стать парусам,
На мачтах туман сырой,
Свинцовая мгла на море легла
При встрече с ледовой горой.

Сэр Хэмфри взял курс на юг,
Кампобельский минуя мыс.
Три дня они шли – дул ветер с земли,
Но стемнело и парус повис.

Стих ветер и парус повис,
И не брезжит свет маяка,

And nevermore, on sea or shore,
Should Sir Humphrey see the light.

He sat upon the deck,
The Book was in his hand;
“Do not fear! Heaven is as near,”
He said, “by water as by land!”

In the first watch of the night,
Without a signal's sound,
Out of the sea, mysteriously,
The fleet of Death rose all around.

The moon and the evening star
Were hanging in the shrouds;
Every mast, as it passed,
Seemed to rake the passing clouds.

They grappled with their prize,
At midnight black and cold!
As of a rock was the shock;
Heavily the ground-swell rolled.

Southward through day and dark,
They drift in close embrace,
With mist and rain, o'er the open main;
Yet there seems no change of place.

И больше нигде на темной воде
Не видно ни огонька.

Священную книгу раскрыв,
Сэр Хэмфри сказал: «Смелей!
До райских садов из городов
Не ближе, чем с кораблей!»

Сменился на вахте матрос,
Как вдруг молчаливой стеной
Из мрачных глубин возник исполин —
Смерти флот ледяной.

Закуталась в саван луна,
Сэр Хэмфри стоял на корме,
Над морем седым облачный дым
За мачты цеплялся во тьме.

Добычу схватил пират
И в ночь устремился с ней,
Вскипела вода — так гибнут суда
У береговых камней.

С тех пор неразлучно на юг
Плывут они долгие дни
Сквозь дождь и снег, но словно навек
На месте застыли одни.

Southward, forever southward,
They drift through dark and day;
And like a dream, in the Gulf-Stream
Sinking, vanish all away.

На юг и только на юг,
Пока наконец Гольфстрим
Во мгле не настиг разбойничий бриг,
И пропал он, как сон, незрим.

THE FIRE OF DRIFT-WOOD

We sat within the farm-house old,
Whose windows, looking o'er the bay,
Gave to the sea-breeze damp and cold
An easy entrance, night and day.

Not far away we saw the port,
The strange, old-fashioned, silent town,
The lighthouse, the dismantled fort,
The wooden houses, quaint and brown.

We sat and talked until the night,
Descending, filled the little room;
Our faces faded from the sight,
Our voices only broke the gloom.

We spake of many a vanished scene,
Of what we once had thought and said,
Of what had been, and might have been,
And who was changed, and who was dead;

And all that fills the hearts of friends,
When first they feel, with secret pain,

ОБЛОМКИ МАЧТ

Мы зябко жались к очагу,
Сквозило в щели ветхих рам,
Дощатый дом на берегу
Стоял, открытый всем ветрам.

Кривые улочки вдали,
Портовый сонный городок,
Руины форта, корабли,
Маяк и допотопный док.

Так мы сидели у огня,
И только голос — твой и мой —
В лучах тускнеющего дня
Боролся с сумеречной тьмой.

Мы вспомнили о прожитом,
О счастье вместе, бедах — врозь,
О том, что было, и о том,
Что быть могло, но не сбылось.

О наших мертвых, о живых,
Чьей дружбою не дорожим,

Their lives thenceforth have separate ends,
And never can be one again;

The first slight swerving of the heart,
That words are powerless to express,
And leave it still unsaid in part,
Or say it in too great excess.

The very tones in which we spake
Had something strange, I could but mark;
The leaves of memory seemed to make
A mournful rustling in the dark.

Oft died the words upon our lips,
As suddenly, from out the fire
Built of the wreck of stranded ships,
The flames would leap and then expire.

And, as their splendor flashed and failed,
We thought of wrecks upon the main,
Of ships dismasted, that were hailed
And sent no answer back again.

The windows, rattling in the frames,
The ocean, roaring up the beach,
The gusty blast, the bickering flames.
All mingled vaguely in our speech;

О тех минутах роковых,
Когда становишься чужим,

Когда молчишь о дорогом,
Потерю осознав едва,
Или кричишь, но о другом,
И тратишь попусту слова.

И сами наши голоса
Звучали странно в темноте,
Как облетевшие леса,—
Слова ненужные, не те,—

Застыли на губах они,
Тем яростнее и светлей
В печи пылали головни —
Обломки мертвых кораблей —

И, вспыхнув, гасли, как сигнал,
Как бедственный последний зов
В ту ночь, когда их ветер гнал
На смерть без мачт и парусов.

Гудела, вздрагивая, печь,—
Под звон стекла, под злобный вой
В запутанную нашу речь
Вмешался ветер штормовой.

Until they made themselves a part
Of fancies floating through the brain,
The long-lost ventures of the heart,
That send no answers back again.

O flames that glowed! O hearts that yearned!
They were indeed too much akin,
The drift-wooded fire without that burned,
The thoughts that burned and glowed within.

И разум выбился из сил
От ледящих голосов:
Скорлупку сердца шторм носил
В былом без мачт и парусов:

О пламя изнутри, извне,
Что согревает нас, реши,—
Обломки мачт в печном огне
Или пожар на дне души!

THE BUILDERS

All are architects of Fate,
Working in these walls of Time;
Some with massive deeds and great,
Some with ornaments of rhyme.

Nothing useless is, or low;
Each thing in its place is best;
And what seems but idle show
Strengthens and supports the rest.

For the structure that we raise,
Time is with materials filled;
Our to-days and yesterdays
Are the blocks with which we build.

Truly shape and fashion these;
Leave no yawning gaps between;
Think not, because no man sees,
Such things will remain unseen.

In the elder days of Art,
Builders wrought with greatest care

СТРОИТЕЛИ

Мы строители Судьбы! —
Кто массивный свод возводит,
Кто для фресок, для резьбы
Рифмы легкие находит.

Труд ничей не позабыт,
Прост расчет, прямой и точный:
Камни, лишние на вид,
Перемычкой служат прочной.

Время, как мастеровой,
Ставит стены этой башни:
Купол — день грядущий твой,
А фундамент — день вчерашний.

Ты без бревен и гвоздей
Для себя незримо строишь,
Но не верь, что от людей
Без труда ошибки скроешь.

Вспомни, как во тьме веков
Строил каменщик почтенный! —

Each minute and unseen part;
For the Gods see everywhere.

Let us do our work as well,
Both the unseen and the seen,
Make the house, where Gods may dwell,
Beautiful, entire, and clean.

Else our lives are incomplete,
Standing in these walls of Time,
Broken stairways, where the feet
Stumble as they seek to climb.

Build to-day, then, strong and sure,
With a firm and ample base;
And ascending and secure
Shall to-morrow find its place.

Thus alone can we attain
To those turrets, where the eye
Sees the world as one vast plain,
And one boundless reach of sky.

Нет в работе пустяков:
Боги видят через стены.

Пусть и твой незримый дом
Будет мастером построен,
Пред божественным судом
Встанет он, высок и строен.

А иначе наши дни —
Словно здания без крыши:
Вместо лестниц — западни,
Как по ним подняться выше?

Строй сегодня, прочно строй
На фундаменте надежном,
Чтобы завтрашней порой
Счастье сделалось возможным.

Так возводятся, мой друг,
Башни стройные, с которых
Ширь земная — плоский круг
В нескончаемых просторах.

SAND OF THE DESERT IN AN HOUR-GLASS

A handful of red sand, from the hot clime
Of Arab deserts brought,
Within this glass becomes the spy of Time,
The minister of Thought.

How many weary centuries has it been
About those deserts blown!
How many strange vicissitudes has seen,
How many histories known!

Perhaps the camels of the Ishmaelite
Trampled and passed it o'er,
When into Egypt from the patriarch's sight
His favorite son they bore.

Perhaps the feet of Moses, burnt and bare,
Crushed it beneath their tread,
Or Pharaoh's flashing wheels into the air
Scattered it as they sped;

Or Mary, with the Christ of Nazareth
Held close in her caress,

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Песок Аравии, песок пустыни,
Бегущий за стеклом,
Ты соглядатай Времени отныне,
Рассказчик о Былом.

Тысячелетьями в полдневных странах
Кружил тебя самум,
Картинами твоих историй странных
Мой отуманен ум.

Ты помнишь дым становий, запах гари? —
На юг верблюды шли,
В чужой Египет сыновья Агари
Иосифа вели.

Быть может, провозвестнику Закона
Ты обжигал стопы
И вслед за колесницей фараона
Ложился у тропы?

Ты помнишь беглецов из Назарета,
Марию и Христа,

Whose pilgrimage of hope and love and faith
Illumed the wilderness;

Or anchorites beneath Engaddi's palms,
Pacing the Dead Sea beach,
And singing slow their old Armenian psalms
In half-articulate speech;

Or caravans, that from Bassora's gate
With westward steps depart;
Or Mecca's pilgrims, confident of Fate,
And resolute in heart!

These have passed over it, or may have passed!
Now in this crystal tower
Imprisoned by some curious hand at last,
It counts the passing hour.

And as I gaze, these narrow walls expand; —
Before my dreamy eye
Stretches the desert with its shifting sand,
Its unimpeded sky.

And borne aloft by the sustaining blast,
This little golden thread
Dilates into a column high and vast,
A form of fear and dread.

Чья вера залила потоком света
Пустынные места!

Ты в монастырской побывал ограде
Средь выжженных равнин,
Где пел псалмы под пальмами Энгадди
Отшельник-армянин.

У стен Бассоры, в караван-сараяе,
Ты разглядел в пыли
Паломников, что с мыслями о рае
В святую Мекку шли?

Таким и вправду был твой день вчерашний,
Или не помнишь сам?
Отныне узником стеклянной башни
Ты счет ведешь часам.

Но взгляд мой дерзко раздвигает стены,
И за мечтою вслед
Уносится в пески мой ум смятенный,
В седую толщу лет.

И тоненькая струйка золотая
Возносится в зенит,
В огромную колонну вырастая,
И душу леденит.

And onward, and across the setting sun,
 Across the boundless plain,
The column and its broader shadow run,
 Till thought pursues in vain.

The vision vanishes! These walls again
 Shut out the lurid sun,
Shut out the hot, immeasurable plain;
 The half-hour's sand is run!

И все таинственнее, все безмерней
Растет за нею тень,
Все дальше, дальше по заре вечерней,
Но угасает день,

И мысль не в силах следовать причуде,
Сомкнулись небеса:
Иссяк песок в магическом сосуде,
Отмерив полчаса.

THE JEWISH CEMETERY AT NEWPORT

How strange it seems! These Hebrews in their graves,
Close by the street of this fair seaport town,
Silent beside the never-silent waves,
At rest in all this moving up and down!

The trees are white with dust, that o'er their sleep
Wave their broad curtains in the south-wind's breath,
While underneath these leafy tents they keep
The long, mysterious Exodus of Death.

And these sepulchral stones, so old and brown,
That pave with level flags their burial place,
Seem like the tablets of the Law, thrown down
And broken by Moses at the mountain's base.

The very names recorded here are strange.
Of foreign accent, and of different climes;
Alvares and Rivera interchange
With Abraham and Jacob of old times.

“Blessed be God, for he created Death!”
The mourners said, “and Death is rest and peace;”

ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ В НЬЮПОРТЕ

Как странно! Рядом с улицею пыльной
Кладбищенский нетронутый покой,
Не нарушают тишины могильной
Ни людный порт, ни шум волны морской.

Подобно кушам древнего Синая,
Деревья сонный замыкают свод,
Последних иудеев заклиная
В пустыню смерти продолжать Исход.

Столетиями здесь камни водружали,
Истертых плит однообразный строй,
Так, верно, Моисеевы скрижали,
Разбитые, лежали под горой.

Вникаю в смысл иноплеменных знаков,
Здесь даже у имен нездешний вид:
С Альваресом соседствует Иаков,
С Рибейром рядом — Авраам, Давид.

«Благословен Господь,— рыдали в храме,—
Он дарит Смерть, Он дарит мир навек.

Then added, in the certainty of faith,
“And giveth Life that nevermore shall cease.”

Closed are the portals of their Synagogue,
No Psalms of David now the silence break,
No Rabbi reads the ancient Decalogue
In the grand dialect the Prophets spake

Gone are the living, but the dead remain,
And not neglected; for a hand unseen,
Scattering its bounty, like a summer rain,
Still keeps their graves and their remembrance green.

How came they here? What burst of Christian hate,
What persecution, merciless and blind,
Drove o'er the sea — that desert desolate —
These Ishmaels and Hagars of mankind?

They lived in narrow streets and lanes obscure,
Ghetto and Judenstrass, in mirk and mire;
Taught in the school of patience to endure
The life of anguish and the death of fire.

All their lives long, with the unleavened bread
And bitter herbs of exile and its fears,
The wasting famine of the heart they fed,
And slaked its thirst with marah of their tears.

Божественными наслаждаясь дарами,
Ты обретешь бессмертье, человек!»

Молчат псалмы о неизбежном небе,
И двери синагоги на замке,
И десять заповедей мудрый ребе
Вам не прочтет на древнем языке.

Но мертвые не чувствуют разлуки,
Окружены заботою живой:
Как летний дождь, невидимые руки
Одели в зелень камень гробовой.

Как вы пришли сюда? Где взяли силы
Спасть от ненависти христиан?
Вселенские Агари, Измаилы,
Вас, как в пустыню, гнали в океан.

На Юденштрассе, в чуждой вам отчизне,
В колодцах гетто, на бесправном дне
Прошли вы школу страха — школу жизни —
И школу смерти в жертвенном огне.

Вы пресный хлеб священным называли,
Затравленные вечною враждой,
Вы горечь трав пустынных запивали
Изгнаннической горькою водой.

Anathema maranatha! was the cry
That rang from town to town, from street to street:
At every gate the accursed Mordecai
Was mocked and jeered, and spurned by Christian feet.

Pride and humiliation hand in hand
Walked with them through the world where'er
they went;
Trampled and beaten were they as the sand,
And yet unshaken as the continent.

For in the background figures vague and vast
Of patriarchs and of prophets rose sublime,
And all the great traditions of the Past
They saw reflected in the coming time.

And thus forever with reverted look
The mystic volume of the world they read,
Spelling it backward, like a Hebrew book,
Till life became a Legend of the Dead.

But ah! what once has been shall be no more!
The groaning earth in travail and in pain
Brings forth its races, but does not restore,
And the dead nations never rise again.

Из края в край катилась, не стихая,
Анафема, и у любых ворот
Слезами проклятого Мордехая
Во имя Божье упивался сброд.

Позор и гордость несоединимы,
Но и в позоре были вы горды,
То, как песок, растоптаны, гонимы,
То, как единый материк,
тверды.

Шагал за вами поступью победной
Повсюду патриарх или пророк,
И будущее вам казалось бледной,
Ненужной тенью пройденных дорог.

Подобно древней иудейской книге,
Вы книгу дней читали каждый раз
Наоборот, и худшей из религий,
Легендой мертвых стала жизнь для вас.

Увы, назад необратимо время,
Земля рождает в муках племена,
Но ни одно не возродится племя:
Не вечность им, а смерть предрешена.

DIVINA COMMEDIA

I

Oft have I seen at some cathedral door
A laborer, pausing in the dust and heat,
Lay down his burden, and with reverent feet
Enter, and cross himself, and on the floor
Kneel to repeat his paternoster o'er:
Far off the noises of the world retreat;
The loud vociferations of the street
Become an undistinguishable roar.
So, as I enter here from day to day,
And leave my burden at this minster gate,
Kneeling in prayer, and not ashamed to pray,
The tumult of the time disconsolate
To inarticulate murmurs dies away,
While the eternal ages watch and wait.

II

How strange the sculpture that adorn these towers!
This crowd of statues, in whose folded sleeves
Birds build their nests; while canopied with leaves
Parvis and portal bloom like trellised bowers,

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ»

I

У входа в храм случилось видеть мне
Поденщика, слагавшего устало
Земную ношу на ступень портала:
Крестьясь, он забывал о знойном дне,
Переступал порог и в тишине
Молитвенной, куда не долетало
Гуденье многолюдного квартала,
Колени преклонял наедине
С Творцом,— так я в неборимой вере,
Слагаю ношу брENNую у двери,
Вступаю под крестовый этот свод,
Молюсь тебе в уединенье строгом,
Ревнивый шум смолкает за порогом,
И только Вечность слушает и ждет.

II

Как необычен облик этих статуй!
На складки покрывал, на рукава
Садятся птицы, светится листва
Над папертью и, словно крест крылатый,

And the vast minster seems a cross of flowers!
But fiends and dragons on the gargoyled eaves
Watch the dead Christ between the living thieves,
And, underneath, the traitor Judas lowers!
Ah! from what agonies of heart and brain,
What exultations trampling on despair,
What tenderness, what tears, what hate of wrong,
What passionate outcry of a soul in pain,
Uprose this poem of the earth and air,
This mediaeval miracle of song!

III

I enter, and I see thee in the gloom
Of the long aisles, O poet saturnine!
And strive to make my steps keep pace with thine.
The air is filled with some unknown perfume;
The congregation of the dead make room
For thee to pass; the votive tapers shine;
Like rooks that haunt Ravenna's groves of pine
The hovering echoes fly from tomb to tomb.
From the confessionals I hear arise
Rehearsals of forgotten tragedies,
And lamentations from the crypts below;
And then a voice celestial that begins
With the pathetic words, "Although your sins
As scarlet be," and ends with "as the snow."

Парит собор, но Иисус распятый
Убит, и не скрывают торжества
Разбойники, — драконья голова,
Разъяв железный зев, грозит расплатой
Склоненному Иуде, — сколько слез,
О Боже! сколько нежности и страсти,
Тоски и ненависти к темной власти
Понадобилось, чтобы ты вознес,
Как некую страдальческую требу,
Средневековый гимн любви и небу!

III

Вхожу и вижу в отблесках свечей
Тебя, поэт загробных откровений,
Иду с тобой — и сторонятся тени:
Пугает мертвых звук твоих речей.
От ароматов воздух горячей,
В тиши надгробий — гул благословений,
Так над сосновой рощею в Равенне
Кружатся стаи черные грачей.
Я слышу чей-то плач в часовне дальней
И шепот в сумраке исповедальни,
Вот он умолк, и Некто Высший рек:
«Красны, как пурпур, ваши прегрешенья,
У Господа ищите утешенья:
Я зло любое убелю, как снег!»

IV

With snow-white veil and garments as of flame,
She stands before thee, who so long ago
Filled thy young heart with passion and the woe
From which thy song and all its splendors came;
And while with stern rebuke she spells thy name,
The ice about thy heart melts as the snow
On mountain heights, and in swift overflow
Comes gushing from thy lips in sobs of shame.
Thou makest full confession; and a gleam,
As of the dawn on some dark forest cast,
Seems on thy lifted forehead to increase;
Lethe and Eunoe – the remembered dream
And the forgotten sorrow – bring at last
That perfect pardon which is perfect peace.

V

I lift mine eyes, and all the windows blaze
With forms of Saints and holy men who died,
Here martyred and hereafter glorified;
And the great Rose upon its leaves displays
Christ's Triumph, and the angelic roundelays,
With splendor upon splendor multiplied;
And Beatrice again at Dante's side
No more rebukes, but smiles her words of praise.

IV

В одеждах рдяных, в белом покрывале
Перед тобой опять возникла та,
Чья прелесть юная и красота
Твой стих возвышенный околдовали.
Ее упрек ты выдержишь едва ли,
Душа опять слезами залита!
Так влага пробужденная чиста
В лучах весны на горном перевале.
На суд ее ты исповедь принес,
И омраченное чело поэта
Светлеет, точно небо в час рассвета;
Эвноя с берегом воскресших грез
И Лета с невоскресшею тоскою
Тебя ведут к прощенью и покою.

V

В пылании витражного окна
Святых великомучеников лики,
Большая роза древней базилики
Христовой славою осенена.
На складках ангельского полотна,
На перекрытьях – радужные блики,
Склонился к Беатриче Дант великий,
Упреков нет, искуплена вина.

And then the organ sounds, and unseen choirs
Sing the old Latin hymns of peace and love
And benedictions of the Holy Ghost;
And the melodious bells among the spires
O'er all the house-tops and through heaven above
Proclaim the elevation of the Host!

VI

O star of morning and of liberty!
O bringer of the light, whose splendor shines
Above the darkness of the Apennines,
Forerunner of the day that is to be!
The voices of the city and the sea,
The voices of the mountains and the pines,
Repeat thy song, till the familiar lines
Are footpaths for the thought of Italy!
Thy flame is blown abroad from all the heights,
Through all the nations, and a sound is heard,
As of a mighty wind, and men devout,
Strangers of Rome, and the new proselytes,
In their own language hear thy wondrous word,
And many are amazed and many doubt.

Гремит орган о торжестве святыни,
Незримый хор на праведной латыни
Поет хвалу Создателю миров.
Над кровлями, над шпилями взлетая,
Победно возвещает медь литая
О возношении святых даров.

VI

Звезда свободолюбья и расцвета,
Полмира озарившая звезда,
Ты апеннинский сумрак без следа
Сжигаешь, провозвестница рассвета!
Влюбленно вторят голосу поэта
Моря, и пастбища, и города,
Для итальянской мысли навсегда
Тропой заветной стала песня эта.
Со всех высот молва летит, трубя
О новой славе, миру возвещенной,
На языке своем прочтет тебя
И римлянин, и новопосвященный:
К стопам твоим иные припадут,
Иные усомнятся — и уйдут.

THE HAUNTED CHAMBER

Each heart has its haunted chamber,
Where the silent moonlight falls!
On the floor are mysterious footsteps,
There are whispers along the walls!

And mine at times is haunted
By phantoms of the Past,
As motionless as shadows
By the silent moonlight cast.

A form sits by the window,
That is not seen by day,
For as soon as the dawn approaches
It vanishes away.

It sits there in the moonlight,
Itself as pale and still,
And points with its airy finger
Across the window-sill.

Without, before the window,
There stands a gloomy pine,

КОМНАТА С ПРИВЕДЕНЬЯМИ

На комнату в лунную полночь
Походят людские сердца:
Там призраки прошлого бродят,
О чем-то твердя без конца.

Как часто в груди теснятся
Виденья минувших дней,
В таинственном лунном свете
Они холодней и бледней.

Сидит у окна ночами
Недвижная скорбная тень,
Молчит и спешит исчезнуть,
Как только забрезжит день.

Молчит и в призрачном свете
К туманному льнет стеклу,
Указывая куда-то
В сырую ночную мглу.

А там за окном неутешно
Колышет ветвями сосна,

Whose boughs wave upward and downward
As wave these thoughts of mine.

And underneath its branches
Is the grave of a little child,
Who died upon life's threshold,
And never wept nor smiled.

What are ye, O pallid phantoms!
That haunt my troubled brain?
That vanish when day approaches,
And at night return again?

What are ye, O pallid phantoms!
But the statues without breath,
That stand on the bridge overarching
The silent river of death?

Моя одинокая дума
Вот так же зыбка и темна.

Сосна над могилой ребенка,
Чью душу ангел унес,
Он умер, едва родившись,
Ни смеха не знал, ни слез.

Так кто же вы, тусклые тени?
Зачем полуночной тьмой
Терзаете неотступно
Слабеющий разум мой?

Так кто же вы, тусклые тени?
Вы – статуи на мосту
Над скорбной рекою смерти,
Стремящейся в пустоту.

CHAUCER

An old man in a lodge within a park;
The chamber walls depicted all around
With portraitures of huntsman, hawk, and hound,
And the hurt deer. He listeneth to the lark,
Whose song comes with the sunshine through the dark
Of painted glass in the leaden lattice bound;
He listeneth and he laugheth at the sound,
Then writeth in a book like any clerk.
He is the poet of the dawn, who wrote
The Canterbury Tales, and his old age
Made beautiful with song; and as I read
I hear the crowing cock, I hear the note
Of lark and linnnet, and from every page
Rise odors of ploughed field or flowery mead.

ЧОСЕР

В просторном парке обветшалый дом
С картинами охоты соколиной:
Бегут собаки вереницей длинной,
Косуля раненая над прудом.
Хозяин занят будничным трудом,
Смеясь, он видит луч над бренной глиной,
Он слышит жаворонка над долиной
И пишет,— в этом старике седом
Певца весенний зорь узнал я сразу,
Внимать готовый каждому рассказу
Кентерберийскому,— его стихи
О поднебесном говорят полете:
За окнами в свинцовом переплете
Сырую пашню будят петухи.

Л X

THE HARVEST MOON

It is the Harvest Moon! On gilded vanes
And roofs of villages, on woodland crests
And their aerial neighborhoods of nests
Deserted, on the curtained window-panes
Of rooms where children sleep, on country lanes
And harvest-fields, its mystic splendor rests!
Gone are the birds that were our summer guests;
With the last sheaves return the laboring wains!
All things are symbols: the external shows
Of Nature have their image in the mind,
As flowers and fruits and falling of the leaves;
The song-birds leave us at the summer's close,
Only the empty nests are left behind,
And pipings of the quail among the sheaves.

ВО ВРЕМЯ ЖАТВЫ

Усталый жнец в прозрачном лунном свете,
Свернул к деревне с луговой тропы,
Леса на птичьи голоса скупы,
Тоскуют гнезда об ушедшем лете.
На окна спальни, где уснули дети,
Ложится отблеск, не гремят цепи,
В пустых полях последние снопы
Везут телеги,— по любой примете,
По внешнему, о тайном судишь ты,
Увиденное воплощаешь в знаки —
В плоды, колосья, листья и цветы:
Пустеют гнезда в предосеннем мраке,
Смолкает лес до нового тепла,
Среди снопов кричат перепела.

THE TIDE RISES, THE TIDE FALLS

The tide rises, the tide falls,
The twilight darkens, the curlew calls;
Along the sea-sands damp and brown
The traveller hastens toward the town,
 And the tide rises, the tide falls.

Darkness settles on roofs and walls,
But the sea, the sea in the darkness calls;
The little waves, with their soft, white hands,
Efface the footprints in the sands,
 And the tide rises, the tide falls.

The morning breaks; the steeds in their stalls
Stamp and neigh, as the hostler calls;
The day returns, but nevermore
Returns the traveller to the shore,
 And the tide rises, the tide falls.

НАХЛЫНЕТ ПРИЛИВ И ОТХЛЫНЕТ ПРИЛИВ

Нахлынет прилив и отхлынет прилив,
Под вечер призыв кулика тосклив,
Вдоль моря, по стынущему песку
Странник к ночному спешит городку,—
Нахлынет прилив и отхлынет прилив.

Сумрачен ветра ночного порыв,
Улицы спят, голос моря тосклив,
Нежные, пенные пальцы воды
Позднего странника смоят следы,—
Нахлынет прилив и отхлынет прилив.

Солнце взойдет, городок разбудив,
Коснется разметанных конских грив,
Станет полуднем рассветный покой,
Но странник не выйдет на берег морской,—
Нахлынет прилив и отхлынет прилив.

CONTENTS

<i>Preface</i>	5
The Evening Star	10
The Secret of the Sea	12
Sir Humphrey Gilbert	16
The Fire of Drift-Wood	22
The Builders	28
Sand of the Desert in an Hour-Glass	32
The Jewish Cemetery at Newport	38
Divina Commedia	44
The Haunted Chamber	52
Chaucer	56
The Harvest Moon	58
The Tide Rises, the Tide Falls	60

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вдохновенный архаист</i>	5
Вечерняя звезда	11
Тайна моря	13
Сэр Хэмфри Гилберт	17
Обломки мачт	23
Строители	29
Песочные часы	33
Еврейское кладбище в Ньюпорте	39
«Божественная комедия»	45
Комната с привиденьями	53
Чосер	57
Во время жатвы	59
Нахлынет прилив и отхлынет прилив	61

Л И

*Литературно-художественное
издание*

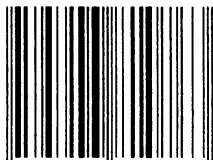
Генри Лонгфелло
ОБЛОМКИ МАЧТ

Зав. редакцией *А. Ю. Зубков*
Редактор *А. Ф. Железцов*
Макет и вёрстка *В. Г. Васильев*

Подп. в печать 24.10.2002. Усл.
печ. л. 2,56. Уч.-изд. л. 1. Гарниту-
ра Баскервиль. Формат 70×100/32.
Тираж 1500 экз. Заказ № 3710

ЗАО ИТД «ЛЕТНИЙ САД»
121069, Москва, Б. Никитская, 46
Изд. лиц. ИД №03439 от 5.12.2000

Отпечатано в ПФ «Полиграфист»
160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3



9 785943 810763